

КОЛЛИЗИОННОЕ ПРАВО

CONFLICT OF LAWS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-899-913>

EDN: LHNICS

Научная статья / Research Article

Коллизии между специальными нормами права: понятие и подходы к преодолению

А.А. Петров

Арбитражный суд Челябинской области, г. Челябинск, Российской Федерации;

Самарский государственный экономический университет», г. Самара,

Российская Федерация

sfu-pravo@yandex.ru

Аннотация. В теории и на практике возникает вопрос, как следует поступать при обнаружении коллизии нескольких специальных норм права, образованных от одной общей, но по разным основаниям, в случае пересечения их гипотез, поскольку напрямую правило о приоритете специальной нормы над общей в таких ситуациях применить нельзя. Цель исследования – поиск оптимального подхода к преодолению коллизии специальных норм права. Автор прибегает к различным общим и специальным методам познания, в частности, системному подходу, концептуально-понятийному анализу, юридико-догматическому методу, юридической герменевтике и сравнительно-правовому анализу. Можно выделить пять основных подходов к преодолению коллизий специальных норм между собой: (1) игнорирование возможности коллизии между специальными нормами, прикрываемое тем, что одна из них «растворяется» в общей и поэтому напрямую подлежит применению максима *lex specialis*; (2) «интеграционный» подход, основанный на идеи элиминирования коллизионной проблемы на основе согласования содержания специальных норм посредством их толкования в контексте общей цели; (3) «сущностный» подход, когда коллизию между специальными нормами предлагается решить на основе нахождения параметра, позволяющего достоверно определить и сравнить степень «специальности» коллимирующих норм с последующим обращением к максиме *lex specialis*; (4) «содержательный» подход, связанный с отысканием универсального или локального метаправового критерия преодоления такой коллизии; (5) «догматический» критерий связывает решение вопроса с обращением к следующей в иерархии приоритетов коллизионной максиме – *lex posterior*. Именно последний подход в силу своей политики-правовой нейтральности и простоты применения представляется возможным к применению в качестве основы для преодоления коллизии специальных норм. Если же специальные нормы приняты одновременно, то наилучшим решением является обращение к

© Петров А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

«существенному» критерию, однако в качестве факультативного возможно применение и «интеграционного» подхода.

Ключевые слова: коллизия норм права, коллизия нескольких специальных норм права, частично-частичный нормоконфликт, правовые максимы, *lex specialis*

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01893 «Алгоритмы распознания и нейтрализации сложных юридических коллизий и коллизионных проблем: потенциал российской юридической доктрины в свете вызовов зарубежных концепций права и юридического рассуждения» <https://rscf.ru/project/24-28-01893>.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Петров А.А. Коллизии между специальными нормами права: понятие и подходы к преодолению // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 899–913. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-899-913>

Concept and strategies for resolving conflicts between special legal rules

Alexander A. Petrov

Commercial court of Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Russian Federation

Samara State University of economics, Samara, Russian Federation

 sfu-pravo@yandex.ru

Abstract. The paper presents ideas on resolving conflicts between special legal rules. Such norm conflicts occur when several special norms originate from a single general norm based on different criteria. These are partial norm conflicts, which cannot be resolved directly through the legal maxim of *lex specialis*. The purpose of this article is to establish an optimal approach for resolving conflicts between special legal rules by analyzing current methodologies addressing such conflicts. The author employs various methods for investigating legal reality, including the systemic approach, conceptual analysis, legal-dogmatic method, comparative approach, and juridical hermeneutic. Five methods for addressing these conflicts are identified. (1) The ‘ostrich’ approach. This method avoids legal conflicts by narrowly interpreting one special rule as part of general rule, enabling direct application of *lex specialis*. (2) The ‘integrative’ approach: This method eliminates legal conflict by harmonizing the content of special rules through interpretation that aligns them with a common purpose. (3) The ‘essential’ approach: This approach resolves conflicts by identifying a parameter that determines the degree of specialty of colliding norms, then applying the *lex specialis* maxim accordingly. (4) The ‘meaningful’ approach: This involves describing a universal or localized meta-legal criterion to overcome conflicts, for example, applying the humanistic criterion that famous the norm most beneficial to its addressee (*in favorem*) in cases of a conflict. (5) The ‘dogmatic’ criterion: This criterion resolves conflicts based on other general principles, such as the *lex posterior* maxim. Due to its neutrality and simplicity, this approach is recommended as the primary method for resolving conflicts between special norms. If special rules are adopted simultaneously, the ‘essential’ criterion is the preferred method, with the ‘integrative’ approach as a possible alternative.

Key words: normative conflict, partial conflict of norms, legal maxims, *lex specialis*

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Founding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01893 “Algorithms for recognizing and neutralizing complex legal conflicts and conflict gaps: the potential of Russian legal doctrine in light of the challenges of foreign concepts of law and legal reasoning” <https://rscf.ru/project/24-28-01893>.

Received: 28th October 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Petrov, A.A. (2025) Concept and strategies for resolving conflicts between special legal rules. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 899–913. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-899-913>

Введение

Формирование корпуса норм позитивного права с учетом их деления на общие и специальные довольно логично в условиях кодификации законодательства. Такое регулирование позволяет как сформулировать общий стандарт поведения, так и учитывать особые обстоятельства, не укладывающиеся по каким-то причинам в этот универсальный стандарт (приоритет специальной нормы над общей, конечно, ограничен фактором иерархии норм: как только в конфликт вступают нормы права различной юридической силы, критерий специальности нормы уступает иерархическому). Критерий разграничения общих и специальных норм вполне конкретен: первая регулирует родовой случай, вторая – видовой (в рамках соответствующего родового).

Существуют два основных варианта соотношения общих и специальных норм:

Так, в одних случаях между специальной нормой и общей коллизией или отсутствует как таковая (когда специальная норма дублирует или конкретизирует положения общей, не вступая с ней в конфликт), или коллизионная ситуация решается путем согласованной интерпретации общей и специальной норм.

В других случаях специальное правило может конфликтовать с общим, отступая от него или просто исключая его действие. Именно для второго варианта актуальна формула о приоритете специальной нормы над общей (*lex specialis derogat legi generali*) (Vlasenko, 1984:80–90), обладающая силой авторитета, восходящего к римской юриспруденции.

В ее основании отыскивается аристотелевская идея справедливости: общая норма отражает ее уравнивающую составляющую («равное равному»), а специальная – распределяющую («неравное неравному»).

При этом общность и специальность норм – это их сопоставительные свойства, т.е. конкретная норма является общей или специальной всегда относительно какой-либо другой конкретной нормы. То есть конкретная правовая норма может быть общей по отношению к другой и специальной в сопоставлении с третьей.

Несмотря на то, что правоведы сходятся во мнении, что коллизионная максима *lex specialis* является инструментом преодоления коллизии внутри какого-либо правопорядка (Michaels & Pauwelyn, 2011:350–352), природа такой максимы остается неясной, что обусловлено тесной связью данного вопроса с общим контекстом правопонимания. Например, Э. Вранеш приводит 10 (!) содержательно различных теоретических позиций по поводу природы коллизионных максим и необходимости их выражения в позитивном праве (Vranes, 2005:391–405).

Примат специальной нормы над общей применяется не только тогда, когда законодатель очевидно умышленно сформулировал оба правила как общее и специальное, но и тогда, когда специальная норма либо предшествует появлению общей и по каким-то причинам не отменяется, либо когда в ее появлении после общей нормы довольно сложно увидеть последовательное развитие какой-либо общей идеи, отраженной в законах.

При этом доктрина приоритета *lex specialis* над *legi generali* всегда обращена не к самому закону как форме права, а к его содержанию – правовым нормам. В частности, не являются редкостью ситуации, когда, например, кодекс содержит специальные нормы, а отраслевой федеральный закон – общие. Поэтому разработанная в постсоветской юриспруденции идея так называемого отраслевого приоритета законов, специально предназначенных для регулирования определенных сфер, не имеет к максиме *lex specialis* никакого отношения, зачастую содержательно противоречит ей.

Вместе с тем иногда применение идеи приоритета специальной нормы над общей становится затруднительным, поскольку от одной общей нормы могут быть образованы несколько специальных, гипотезы которых могут быть сконструированы таким образом, что в некоторых областях они могут «наслаждаться» друг на друга.

Приведем пример такой коллизии:

В частях 1, 3 статьи 180 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) закреплено, что решение арбитражного суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба, если иной срок вступления в силу не предусмотрен АПК РФ или иным федеральным законом (общая норма – N_о).

В соответствии, с частью 4 статьи 206, частью 5 статьи 211 АПК РФ решения арбитражного суда по делам о привлечении к административной ответственности, а также по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности вступают в законную силу по истечении 10 дней со дня принятия, если не подана апелляционная жалоба (специальная норма – N_{с1}). А в части 4 статьи 229 АПК РФ установлено, что принятое в порядке упрощенного производства решение суда может быть обжаловано в течение 15 дней с момента принятия резолютивной части или изготовления полного текста решения (специальная норма – N_{с2}).

В силу пунктов 3, 4 части 1 статьи 227 АПК РФ ряд дел о привлечении к административной ответственности, а также по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности подлежат рассмотрению в порядке упрощенного судопроизводства.

Возникает вопрос: в течение какого срока может быть обжаловано в апелляционном порядке (и соответственно – когда вступает в законную силу) решение арбитражного суда, принятое в порядке упрощенного судопроизводства по делу о привлечении к административной ответственности либо об оспаривании постановления по делу об административном правонарушении: спустя 10 дней согласно специальной нормы N_{с1} или 15 дней согласно специальной нормы N_{с2}?

Неопределенность возникает только в области пересечения правил N_{с1} и N_{с2}, каждое из которых претендует на статус специальной относительно общей (N_о) с точки зрения «своего» критерия, а применение максимы *lex specialis* в таких

случаях невозможно, поскольку родо-видовые отношения между гипотезами указанных норм отсутствуют.

Подобные нормоконфликты получили название коллизии (конкуренции) специальных норм (Zacepin, 2014; Kirpichev, 2019; Gorelik, 1998: 55–60). Ситуации, которые могут быть идентифицированы как коллизии специальных норм, характеризуются следующими чертами:

- наличие общей нормы;
- образование от этой общей нормы на основании разных критериев, как минимум, двух специальных норм;
- существование таких родовых случаев, в которых указанные критерии «накладываются» друг на друга.

Анализ их существа и способов преодоления является предметом настоящего исследования.

Основная часть

В литературе предложено разграничивать коллизии норм *in abstracto* (абстрактные) и *in concreto* (конфликты конкретизации), и типовым примером последних зачастую приводят ситуации частично-частичного нормативного конфликта. Сторонники такого деления утверждают, что конфликты *in abstracto* существуют независимо от того, возникают в наличной реальности конкретные факты (обстоятельства), смоделированные в гипотезах правовых норм, тогда как конфликты конкретизации характеризуют особый тип антиномий, которые возникают только при возникновении определенных фактических обстоятельств и отсутствуют при ненаступлении таких (Munzer, 1973). Вместе с тем, выделение в качестве отдельного вида конфликтов конкретизации норм основано на путанице между эмпирическим возникновением нормативного конфликта и концептуальной идентификацией его существования, поэтому все коллизии правовых норм существуют *in abstracto* (Sardo, 2018).

Доктриной предложено несколько подходов к решению вопроса о коллизии специальных норм.

Идея отрицания антиномий специальных норм и ее критика

В рамках данного подхода отрицается сама возможность коллизии специальных норм между собой и предлагается редуцировать возникшую коллизионную ситуацию к конфликту общей и специальной норм так, что одна из специальных норм будто бы поглощается общей.

Такой подход присущ анализу т.н. конкуренции «квалифицированных» и «привилегированных» составов в отечественной теории уголовного права (Blagov, 2005: 6, 9). Здесь задача правоприменителя сводится к конструированию из нормативного материала такой модели описания коллизионной ситуации, при которой содержание одной из специальных норм имплицитно включается в контекст понимания общей нормы (эта специальная норма «растворяется» в общей, и поэтому не учитывается при преодолении коллизии), следовательно, на основании максимы *lex specialis* подлежит применению другая специальная норма.

Существенный недостаток изложенной теоретической позиции заключается в игнорировании природы коллизии нескольких специальных норм, поскольку такие

коллизии радикально отличаются от антиномии общих и специальных норм и для их преодоления принцип *lex specialis* напрямую неприменим.

Остановимся на этом моменте подробнее.

Так как в основе деления норм на общие и специальные лежит идея родо-видовых связей гипотез соответствующих норм, для определения общности и специальности норм следует рассматривать (очевидно, по аналогии, поскольку нормы права или их элементы не являются дескриптивными высказываниями) указанные гипотезы как понятия, обладающие объемом и содержанием.

Тогда объем понятия, отраженного в гипотезе специальной нормы, меньше в сравнении с общей, а содержание за счет добавления новых признаков, напротив, больше.

Следовательно, применив взятую из формальной логики модель сравнения объема понятий (исключение, совпадение (тождество), подчинение, пересечение (согласие)), мы получим 4 возможных варианта соотношения гипотез двух любых норм права (см. табл. 1).

Таблица 1. Классификация норм права с позиций характера отношений между гипотезами норм

Отношение объемов понятий	Исключение	Совпадение	Подчинение	Пересечение
Графическое отображение отношения				
Описание соотношения коллимирующих норм	Конфликта норм нет	Полно-полный нормативный конфликт (коллизия двух общих норм)	Полно-частичный нормативный конфликт (коллизия общей и специальной норм)	Частично-частичный нормативный конфликт (в т.ч. конфликт нескольких специальных норм)

Источник: составлено А.А. Петровым.

Table 1. Classification of Legal Norms Based on Relations Between Hypotheses

Types if relation of volumes of legal concepts	Disjunction (Disjoint)	Equality	Inclusion (Subset-Superset)	Intersection (Overlap)
Graphical representation of the relation				
Description of colliding norms	No conflicting norms exist	Full-full normative conflict (direct collision of two general legal norms)	Full-partial normative conflict (collision between a general and a special norm)	Partial-partial regulatory conflict (including conflicts between several special rules)

Source: compiled by A.A. Petrov.

Таким образом, с позиций объема регулирования коллимирующих норм, возможны три вариации коллизий (в терминологии А. Росса):

- 1) полно-полный нормативный конфликт (коллизия двух общих норм права), когда объем гипотез конфликтующих норм совпадает и ни одна из них не может быть реализована ни при каких обстоятельствах так, чтобы не коллидировать с другой;
- 2) полно-частичный нормативный конфликт (коллизия общей и специальной норм права), когда специальная норма не может быть применена ни при каких обстоятельствах, чтобы это не вошло в конфликт с общей, но последняя может быть реализована изолированно от первой в какой-то дополнительной области, не охватываемой гипотезой специальной нормы;
- 3) частично-частичный нормативный конфликт в ситуации пересечения правил, когда каждая из конфликтующих норм имеет как область применения, где коллидирует с другой нормой, так и область применения, где антагония норм отсутствует (Ross, 1959:128–129).

Очевидно, что в ситуации коллизия нескольких специальных норм имеет место совокупность частично-частичного и полно-частичного нормативных конфликтов, поскольку специальные нормы коллидируют и друг с другом, и с общей нормой.

Тогда любая попытка сведения содержания одной из конфликтующих специальных норм к общей будет нарушать логические связи между тремя указанными нормами, свидетельствуя о том, что вместо преодоления коллизии путем выбора одной из конфликтующих норм существенная часть конфликта трех норм просто игнорируется.

Так, в нашем примере нормативных положений АПК РФ обращение к предлагаемому варианту преодоления коллизий предполагает, что либо норма N_{c1} , либо норма N_{c2} должны быть признаны «как бы включенными» в содержание общей нормы N_o , хотя такое решение вопроса не может быть призвано убедительным: оно явно выходит за рамки толкования закона, не способствует установлению правовой определенности в спорных правоотношениях.

Поэтому указанный подход представляется методологически и нормативно необоснованным.

«Интегративный» подход к преодолению коллизий специальных норм права

Второй, «интегративный», вариант преодоления коллизии специальных норм строится на идее элиминирования коллизионной проблемы на основе согласования их содержания посредством толкования в контексте общей цели и назначения коллидирующих специальных норм.

Проще говоря, задача правоприменителя заключается в интерпретации специальных норм в контексте друг друга так, чтобы показать, что истинный нормативный конфликт между ними отсутствует.

Так, А.Г. Кастерманс и Р. де Граафф замечают, что в ситуации коллизии специальных норм конкуренции исков в голландском конкурсном праве обращение к максиме *lex specialis* осуществляется с целью показать путем толкования возможность кумулятивного применения нескольких коллидирующих специальных норм (как будто бы их конфликт не имеет юридического значения, поскольку все равно нарушенное право должно быть эффективно защищено, не взирая на возможную утрату юридической стройности такого решения с позиции доктрины права) (Castermans & de Graaff, 2018:270–272).

По сути, речь идет о примирении конфликтующих специальных норм путем их толкования в контексте общей идеи создания наиболее эффективного механизма защиты нарушенного права даже в ущерб его концептуальной стройности.

Основной недостаток рассмотренного подхода заключается в зыбкости такого решения вопроса, поскольку усмотрение в процессе толкования наличия или отсутствия конфликта норм никто не в силах отменить, что может породить необоснованный разнобой в правоприменительной практике. К тому же согласование конфликтующих специальных норм посредством толкования без видимого ущерба чувству законности возможно далеко не всегда (вспомним наш пример из АПК РФ).

«Сущностный» подход к преодолению коллизий специальных норм права

В рамках третьего («сущностного») варианта предлагается решить коллизию между специальными нормами на основе нахождения параметра, позволяющего достоверно определить и сравнить степень «специальности» коллимирующих норм.

Такое сравнение осуществляется не абстрактно, а на основе выявления существа конкретных отношений, регулируемых соответствующими нормами, то есть путем отыскания того, какая из двух коллимирующих норм является «более специальной», а какая – менее.

Тогда если одна норма все же сможет интерпретироваться как «более специальная», коллизия может быть преодолена путем последовательного обращения к максиме *lex specialis* дважды: общая норма – «менее специальная» – «более специальная» (последняя и будет подлежать применению).

В парадигме выявления того, какая из конфликтующих норм объективно и существенно является более специальной, рассуждает, к примеру, И.В. Решетникова, обращая внимание на то, что при решении приведенного выше конфликта норм АПК РФ правило N_{c2} должно преобладать над N_{c1}, поскольку упрощенная процедура рассмотрения дела должна поглощать иные правила рассмотрения дел (Reshetnikova, 2013:97).

Такая же логика преодоления коллизии прослеживалась в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 08.10.2012 № 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства», в пункте 24 которого отмечается, что порядок обжалования решений арбитражного суда по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, установлен частью 3 статьи 229 АПК. При этом положения части 4.1 статьи 206, части 5.1 статьи 211 АПК не применяются.

А.Е. Кирпичев, анализируя коллизии специальных норм в российском обязательственном праве, фокусируется на том, что указанные нормоконфликты обусловлены двумя основными способами образования специальных норм – по субъектам и по объектам.

По его мнению, специальные нормы об объектах должны обладать приоритетом над специальными нормами о субъектах.

Предельным основанием такого подхода он считает тест на соответствие двух этих видов специальных норм основному принципу частного права – равенству участников регулируемых отношений.

С этой позиции, как считает А.Е. Кирпичев, специализация норм по субъекту в меньшей степени выдерживает этот тест, тогда как при специализации по объекту

происходит дополнительное регулирование особых отношений, а не изъятие из принципа формального равенства их участников (Kirpichev, 2019:138–145).

Этот вариант преодоления коллизии, несомненно, обладает определенным эвристическим потенциалом, поскольку:

- сам по себе конфликт нескольких специальных норм, не находящихся в родо-видовых отношениях;
- при данном подходе не замалчивается, а предлагается решить конфликт норм, исходя из анализа существа правовых идей, стоящих за конфликтующими нормами, путем телеологического толкования;
- возможен рациональный дискурс с последующим достижением соответствующей конвенции, а принятые решения будут концептуально аргументированным и обоснованным.

Несомненно, этот вариант преодоления коллизии нескольких специальных норм гораздо предпочтительнее в сравнении с простым отрицанием возможности коллизии специальных норм.

Недостаток этого подхода производен от его достоинств: критерий определения того, какая из конфликтующих норм является сущностно более специальной, в отличии, например, от тех же максим *lex posterior* и *lex superior*, применять на практике весьма непросто. Так, установление степени специальности норм на основе сущностного параметра по своей природе является исследовательской (научной) деятельностью, требующей существенных интеллектуальных затрат и весьма высокой квалификации правоприменителей.

Поэтому оптимальной сферой приложения изложенного варианта решения коллизии нескольких специальных норм является, например, деятельность Конституционного Суда России и Верховного Суда России по формированию единообразных подходов к толкованию и применению правовых норм.

«Содержательный» подход к преодолению коллизий специальных норм права (на примере гуманистического критерия)

Данный вариант преодоления коллизии специальных норм связан с обращением к неформализуемым критериям приоритета одной специальной нормы над другой, когда изначально предлагается преодолевать такие коллизии на основе какого-либо иного содержательного параметра.

Речь, прежде всего, идет о гуманистическом критерии (Agashev, 2005:202–209). Его суть в том, что при коллизии специальных норм следует определять, какая из них будет более благоприятной для адресата, выбирать и применять ее.

Наиболее серьезно указанный критерий разработан (и раскритикован) в теории уголовного права, где на основании данного критерия обосновывается приоритет специальных норм, закрепляющих привилегированные составы преступлений над специальными нормами, закрепляющими квалифицированные составы (Inogamova-Hegai, 2015:125–127).

Кроме того, указанный принцип преодоления коллизий рецептируется и в других отраслевых теориях права.

Иногда он смотрится весьма удачно и органично – идея преодоления коллизий норм в трудовом праве согласно максиме *in favorem* – приоритет нормы с большим для работника объемом прав и гарантий (Alenina, 2016).

В других же случаях он выглядит весьма странно, как, например, попытка распространить гуманистический критерий преодоления коллизий на область цивилистики, выделяя привилегированные и квалифицированные специальные нормы гражданского права и отдавая первым приоритет в случае коллизии со вторыми (Еременко, 2011:110–111).

Наконец, отдельные ученые предлагают выделить гуманистический критерий преодоления коллизий в качестве общеправового, подлежащего применению при соблюдении следующих условий:

(1) речь идет о регулировании отношений, в которых одним из участников выступает субъект, наделенный государственно-властными полномочиями, а вторым – подвластный субъект (человек или организация), являющийся слабой стороной правоотношения;

(2) применение указанного критерия невозможно, когда применение более благоприятной нормы затрагивает права и свободы третьих лиц;

(3) указанный коллизионный приоритет не применяется в сфере частного права (Gambaryan & Dallakyan, 2019: 32–33).

Гуманистический критерий преодоления коллизий артикулируется в качестве ориентира для правоприменителей в правовых позициях Верховного Суда России¹ и Конституционного Суда России², а в пункте 4 части 1 статьи 40 Закона Республики Армения от 21.03.2018 № НО-180-Н «О нормативных правовых актах» в качестве критерия четвертой степени очередности установлено, что в случае коллизии между нормами применяется норма нормативно-правового акта, более благоприятного для физических и юридических лиц, если применение данной нормы не затрагивают права и законные интересы других лиц.

Вместе с тем, представляется, что к гуманистическому критерию преодоления коллизии специальных норм следует отнестись критически по нескольким причинам.

Прежде всего, речь идет о серьезном ограничении сферы его применения.

Так, в частном праве правоприменитель объективно практически всегда не в состоянии без подсказок со стороны законодателя и высших судебных органов (например, в виде концепции «слабой стороны» договорных отношений) выявить, чей интерес из порой противоречивых, но равнозначно охраняемых законом должен в большей мере защищаться, и соответственно – концептуально определить, какая норма, для кого и почему является наиболее благоприятной (что лежит в основе применения данного принципа преодоления коллизий).

Не легче применить гуманистический критерий порой и при преодолении коллизии норм в публичном праве.

Вспомним еще раз наш пример из АПК РФ: какой срок апелляционного обжалования в большей степени соответствует гуманистическому критерию: 15 или 10 дней?

¹ Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза».

² Пункт 3 мотивированной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда».

Думается, здесь сама по себе постановка вопроса в таком ключе неверна, поскольку и при первом, и при втором сокращенном сроке апелляционного обжалования судебных актов задачи судопроизводства (статья 2 АПК РФ) могут быть успешно решены, тогда как установление соответствующего сокращенного срока с очевидностью относится к дискреции законодателя, не связанной с какими-либо ценностными аспектами, поскольку право на обжалование судебного акта может быть реализовано стороной арбитражного процесса как в течение 10, так и в течение 15 рабочих дней, поскольку оба срока являются разумно установленными, а в случае их пропуска по уважительным причинам возможно их восстановление (статья 117, части 2, 3 статьи 259 АПК РФ).

Да и в том же уголовно-правовом регулировании неоспоримость гуманистического критерия может быть поставлена под сомнение, как минимум, с позиций задачи общей превенции.

Кроме того, гуманистический критерий не является аксиологически нейтральным с позиций содержания рассогласованных правовых норм даже в первом приближении, тогда как в основании выделяемых в общей теории права параметров преодоления коллизии норм путем выбора одной из них лежит представление о возможности нахождения сравнительно точно идентифицируемых универсалий, ценностно нейтральных с позиций содержания коллимирующих норм, при этом – очевидных для усредненного правоприменителя (время принятия нормы, ее юридическая сила, степень общности/специальности регулируемых отношений и т.п.).

Очевидно, что критерий благоприятности нормы для ее адресатов (либо их части) таковым не является, его применение для преодоления коллизий даже в публично-правовых отношениях всегда будет обременено множеством допущений экстра-правового характера.

Так, например, в уголовно-правовой доктрине обращение к гуманистическому критерию преодоления коллизий норм, закрепляющих принципы разрешения конфликтов норм, устанавливающих привилегированные и квалифицированные составы преступлений, сочетается с отказом от применения указанного критерия при коллизии нескольких специальных норм, закрепляющих только квалифицированные составы.

Рационально объяснить отсутствие последовательности в мышлении о преодолении антагонистичных норм здесь весьма непросто.

Наконец, за фасадом применения гуманистического критерия преодоления коллизии может скрываться и обращение к идеи примирения коллимирующих специальных норм путем их согласованного толкования, когда правоприменитель без формального умаления чувства законности может констатировать, что легислатура не предусмотрела распространение менее благоприятной нормы на рассматриваемую ситуацию, а значит – нет и нормоконфликта.

«Догматический» критерий преодоления коллизий специальных норм права

Пятый («догматический») подход к преодолению коллизии специальных норм связывает решение вопроса с обращением к другому общему принципу преодоления коллизий – *lex posterior*.

Как уже было показано ранее, при конфликте «пересекающихся» специальных норм обращение к критерию общности/специальности напрямую невозможно, однако нет никаких существенных и формальных препятствий для применения темпорального критерия.

Другими словами, если «пересекающиеся» специальные нормы приняты в разное время, тогда можно на основе максимы *lex posterior* применить позднее принятую норму. Например, применительно к рассматриваемому конфликту норм N_{c1} и N_{c2} применение хронологического критерия будет свидетельствовать о приоритете нормы N_{c2} как принятой позднее.

У темпорального критерия для решения коллизий специальных норм есть несколько очевидных преимуществ; так, он:

- вполне соответствует догматической традиции Модерна (позднее принятая норма выражает волю актуального, последовательно «умнеющего» законодателя и поэтому считается более приспособленной к условиям меняющейся жизни);
- основан на объективном и легко измеримом параметре (время принятия нормы);
- идеологически нейтрален (у времени нет пристрастий, а степень демократической легитимности равных по юридической силе норм права одинакова);
- универсален (может применяться в любой отрасли права) и доступен любому среднему правопримениителю.

Следует заметить, что здесь возможны три основных варианта хронологического соотношения коллидирующих специальных норм:

- (1) вначале принимается общая норма, затем – две специальные;
- (2) вначале принимается специальная норма, затем – другая специальная, затем – общая;
- (3) вначале принимается специальная норма, затем – общая, затем – другая специальная (см. табл 2).

Однако как это наглядно видно из таблицы, принцип *lex posterior* одинаково применим во всех трех вариантах с учетом того, что ранее принятая специальная норма одерживает верх на позднее принятой общей.

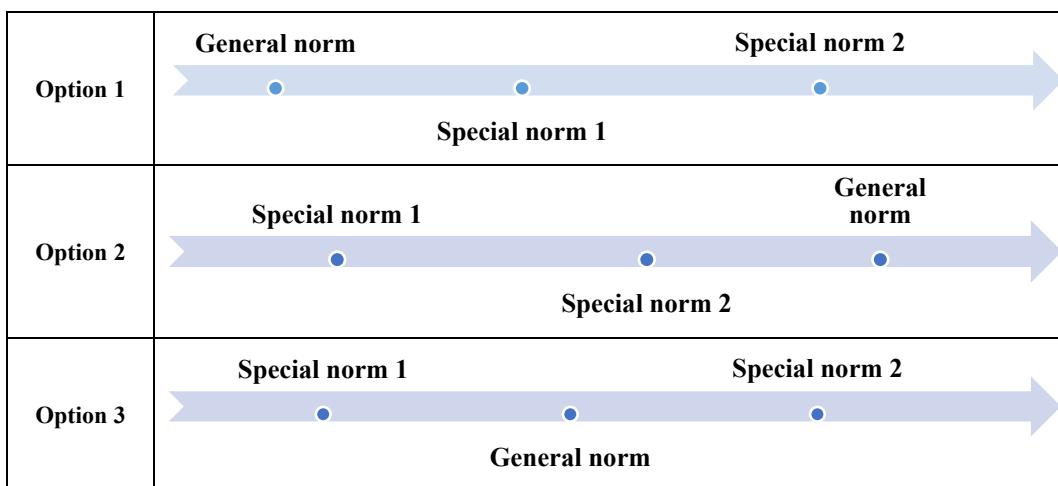
Поэтому при преодолении коллизий специальных норм следует обращать внимание, прежде всего, на хронологию их принятия.

Таблица 2. Хронологическое соотношение коллидирующих специальных норм

Вариант 1	 Общая норма Специальная норма 1 Специальная норма 2
Вариант 2	 Специальная норма 1 Специальная норма 2 Общая норма
Вариант 3	 Специальная норма 1 Общая норма Специальная норма 2

Источник: составлено А.А. Петровым.

Table 2. Chronological correlation of colliding special norms

Source: compiled by A.A. Petrov.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что если рассогласованные между собой специальные нормы права приняты в разное время, то их конфликт наиболее рационально будет разрешать на основании критерия времени принятия нормы как темпоральную коллизию норм.

В ситуациях же, когда хронологический параметр нельзя будет применить (в случае коллизии нескольких специальных норм, принятых одновременно), представляется, что наиболее рационально будет обращаться к существенному параметру, поскольку среди всех иных предложенных критериев он является наиболее рационализируемым, хоть для этого и придется потратить значительные интеллектуальные ресурсы на поиск той правовой идеи (концепции, подхода), благодаря которой можно будет аргументировать, почему одна из нескольких специальных норм будет более «специальной» в сопоставлении с другой.

В качестве опциональной альтернативы, если это будет уместно, можно предложить также обращаться к интегративному критерию, если интерпретация одной специальной нормы в контексте другой будет уместной и не приведет к очевидному толкованию *contra legem*.

Наконец, вызывает серьезные опасения как методологического, так и практического характера обращение для целей преодоления коллизий нескольких специальных норм права к метаправовым универсалиям (например, гуманистическому критерию), поскольку обращение к стоящим за ними основаниям демонстрирует их зыбкость и недопустимую легковесность.

References / Список литературы

- Agashev, D.V. (2005) *Legal conflicts in social security law*. Tomsk, NTL Publ. (in Russian).
 Агашев Д.В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения: монография. Томск : Изд-во НТЛ, 2005. 272 с.

- Alenina, I.V. (2016) Collision Resolution within the Labor Law using a Principle of Priority of Legal Rules with the Larger Scope of Employee's Rights and Guarantees. *The Russian and foreign labor law.* (1), 3–7. (in Russian). EDN: VOCKCF.
Аленина И.В. Разрешение коллизий в трудовом праве с применением принципа приоритета норм с большим для работника объемом прав и гарантий // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–7. EDN: VOCKCF.
- Blagov, E.V. (2005) On conflict of special legal rules in criminal law. *Jurisprudence.* (2), 4–9. (in Russian). EDN: JYJKBV.
Благов Е.В. О проблеме конкуренции специальных норм в уголовном праве // Правоведение. 2005. № 2. С. 4–9. EDN: JYJKBV.
- Castermans, A. G. & de Graaff, R. (2018) The General concept of concurrence applied to European insolvency law. *Civil Law Review.* 18 (1), 268–292. (in Russian). EDN: YTETBR.
Кастерманс А.Г., де Граафф Р. Общая доктрина конкуренции способов защиты в европейском банкротном праве // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 1. С. 268–292. EDN: YTETBR.
- Eremenko, A.S. (2011) Competition of civil standards in the mechanism of theory of civil relationships. *Journal of the Udmurt State University: Law and Economics.* (3), 109–114. (in Russian). EDN: OEWJV.
Еременко А.С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. № 3. С. 109–114. EDN: OEWJV.
- Gambaryan, A.S. & Dallakyan, L.G. (2019) *The Conflict of Law Rules and Their Competition.* Moscow, Justicinform Publ. (in Russian).
Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция. М. : Юстицинформ, 2019. 160 с.
- Gorelik, A.S. (1998) *Competition of Norms in Criminal Law.* 2nd ed. Krasnoyarsk, KrasGU Publ. (in Russian).
Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск : Изд-во КрасГУ, 1998. 106 с.
- Inogamova-Hegai, L.V. (2015) *Concept of Competition Between Legal Rules.* Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ. (in Russian).
Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.
- Kirpichev, A.E. (2019) Conflict of special rules in the law of obligations. *Statute.* (3), 138–145. (in Russian).
Кирпичев А.Е. Коллизии специальных норм в обязательственном праве // Закон. 2019. № 3. С. 138–145.
- Koskenniemi, M. (2004) Study on the function and scope of the lex specialis rule and the question of 'self-contained regimes'. *UN Doc ILC(LVI)/SG/FIL/CRD.1 and Add. 1.* Available at: http://legal.un.org/ilc/sessions/55/pdfs/fragmentation_outline.pdf [Accessed 28th October 2024].
- Lindroos, A. (2005) Addressing norm conflicts in a fragmented legal system: The doctrine of lex specialis. *Nordic Journal of International Law.* 74 (1), 27–66. <https://www.doi.org/10.1163/1571810054301022>
- Michaels, R. & Pauwelyn, J. (2011–2012) Conflict of norms or conflict of laws? Different techniques in the fragmentation of public international law. *Duke Journal Comparative & International law.* (22), 349–376.
- Munzer, S.R. (1973) Validity and Legal Conflicts. *Yale Law Journal.* 82 (6), 1140–1174. <https://doi.org/10.2307/795559>
- Reshetnikova, I.V. (2013) Concept of summary procedure. *Statute.* (4), 93–98. (in Russian). EDN: PYZCNF.

- Решетникова И.В. Упрощенное производство. Концептуальный подход // Закон. 2013. № 4. С. 93–98. EDN: PYZCNF.
- Reshetnikova, I.V. (ed.) (2018) *The Practice of Application of Commercial Procedure Code of the Russian Federation*. 5th ed. Moscow, Jurajt Publ. (in Russian).
- Решетникова И.В. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 480 с.
- Ross, A. (1959) *On Law and Justice*. Berkeley, University of California Press Publ.
- Sardo, A. (2018) Let's talk about antinomies. Normative systems reloaded. *Revus.* (36), 53–79. <https://doi.org/10.4000/revus.4089>
- Vlasenko, N.A. (1984) *Conflict Resolving Norms in Soviet law*. Irkutsk, Irkutsk University Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве : монография. Иркутск : Изд. Иркутского ун-та, 1984. 99 с.
- Vranes, E. (2005) Lex Superior, Lex Specialis, Lex Posterior. Zur Rechtsnatur der “Konfliktlösungsregeln”. *Heidelberg Journal of International Law*. (65), 391–405. (in German).
- Zacepin, A.M. (2014) Competition of civil standards in the mechanism of theory of civil relationships. *The Law. Journal of HSE*. (2), 84–100. (in Russian). EDN: SIIFXR.
- Зацепин А.М. Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право: Журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 84–100. EDN: SIIFXR.

Сведения об авторе:

Петров Александр Александрович – кандидат юридических наук, судья, Арбитражный суд Челябинской области; 454091, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Воровского, дом 2; приглашенный исследователь, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный экономический университет»; 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141

ORCID: 0000-0003-3177-8918; SPIN-код: 1429-9064; AuthorID: 215490

e-mail: sfu-pravo@yandex.ru

About the author:

Aleksandr A. Petrov – Candidate of Legal Sciences, Federal Judge, Arbitration Court of Chelyabinsk Region; 2 Vorovskogo Street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; Visiting Researcher, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Samara State University of Economics”; 141 Sovetskoy Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3177-8918; SPIN-код: 1429-9064; AuthorID: 215490

e-mail: sfu-pravo@yandex.ru